

Дом на площади

КАК ЖИЛИ В ГУМЕ

— Элеонора Гаркунова

В середине 1920-х торговля в ГУМе по понятным причинам резко сократилась и в освобождавшиеся помещения начали переводить всевозможные ведомства и представительства. А какая-то часть площади была и вовсе отведена под жилье совслужащих. Элеонора Кирилловна Гаркунова прожила в ГУМе первые 25 лет своей жизни — с 1928-го (ее отец получил в ГУМе квартиру в 1923-м) по 1953-й год, когда по приказу Анастаса Микояна все конторы и жильцы были выселены, а сам ГУМ опять превращен в главный магазин Москвы

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕСС-СЛУЖБЕЙ ВΟΣСО

Элеонора Гаркунова у окна своей бывшей комнаты в ГУМе, 2013 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕСС-СЛУЖБЕЙ ВΟΣСО

Конец 1940-х годов

В 1930-е и 1940-е годы ГУМа как чего-то единого не существовало, это был набор совершенно разных образований, собранных под одной крышей.

Во-первых, торговля: магазины всегда были, но они располагались только на 1-м этаже второй и третьей линий. Торговали разными материалами (тканями), канцтоварами, со стороны Никольской был продовольственный магазин, половину его занимал цеховский спецраспределитель, а в другой половине — обычный магазин.

В 8 утра, когда открывались магазины, на весь ГУМ раздавался топот ног, дежурившие с ночи люди спешили занять очередь в отделы — даже в нашей комнате было слышно. По этому шуму мы определяли время (а еще по кремлевским курантам, которые были видны из окна). Хотя давки в ГУМе тогда не было. После войны многое вообще можно было купить без очереди.

На втором и третьем этажах помещения снимали самые разные организации — тут были, например, курсы иностранных языков (когда я поступила в иняз, я даже их посещала, чтобы подтянуть свой испанский), про поликлинику я уже говорила, еще была типография на первом этаже на углу Ильинки и Ветошного.

С началом весны начинал работать фонтан в центре ГУМа, а на балкончике над ним играл духовой оркестр, как в городских парках. Кстати, один из магазинов возле фонтана был комиссионка, со всякими изделиями из драгметаллов. По слухам, там распродавалось имущество «врагов народа». Я там однажды купила в подарок маме серебряную ложечку, в обычных магазинах таких вещей не было.

В Демонстрационном зале был зал совещаний, но еще он функционировал как клуб для цеховских работников первой линии — довольно часто там устраивали концерты и показывали кино, в этих случаях нас, жителей ГУМа, тоже туда пускали.

Когда в 1932 году там были похороны Надежды Аллилуевой, жителям ГУМа кое-что перепало. Я потом у наших соседей видела очень красивые цветы в горшках, и на мой вопрос, откуда такие, мне отвечали, что после того, как гроб Аллилуевой увезли на кладбище, цветы из зала разрешили разобрать по комнатам.

Мы, конечно, жили на Красной площади и могли гулять в Александровском саду. Я до школы там всегда гуляла с няней, и вот однажды ко мне подошла девочка и сказала, что хочет со мной дружить. Оказалось, что ее зовут Светлана Молотова, и действительно, мы очень сдружились. Молотовы жили в Кремле, там же, где тогда жил Сталин и все остальное высшее руководство. Светлана гуляла с няней и с дочкой шофера Молотова Соней, ей специально ее подобрали в компанию, чтобы она «не зазнавалась». Вообще в этой семье все было совершенно обычно, попростому. Гуляли они без всякого особого сопровождения, и очень часто мы потом все вместе шли обедать в кремлевскую столовую или к ним в гости, опять же без всяких пропусков, охрана нам только улыбалась. Квартира у них была большая, но скромно обставленная; единственная вещь, которая мне казалась шикарной — волчья шкура на полу в спальне Полины Жемчужиной.

Близость к Кремлю меня тогда не особенно волновала, все это казалось естественным. Ильинка была правительственной трассой, ночью я иногда просы-

палась от того, что на Спасских воротах звенел сигнальный звонок, и из Кремля выезжали правительственные машины, под нашими окнами они пронеслись в сторону ЦК на Старой площади, или раздавался цокот копыт конной милиции. Поэтому на улице всегда дежурили «товарищи в штатском», я их всех прекрасно знала в лицо, а они — меня. Однажды мама выставила сушиться на подоконник мои валеночки, а их сдуло вниз — сразу же прибежали с проверкой испуганные «товарищи», маме даже пришлось писать объяснительную.

Начиная с 1936 года во время парадов на Красной площади, то есть несколько раз в год, в нашей комнате непременно сидел военный, в его обязанности входило следить, чтобы никто из взрослых не подходил к окнам. Но я же была маленькая — и мне они всегда разрешали подсматривать: я ложилась на подоконник и смотрела во все глаза, как из Спасских ворот выезжает Ворошилов на белом коне. Когда я уже училась в инязе и вместе со всем институтом ходила на первомайские демонстрации, то, пройдя по Красной площади мимо Сталина, стоящего на мавзолее, я могла сразу пойти домой.

Никто не удивлялся тому, что я живу в ГУМе. И в 1930-е годы, и особенно после войны в Москве где только люди не жили, по-всякому. Жильем в ГУМе никого было не удивить. Наоборот, мои друзья любили у нас бывать, моя мама устраивала такие интересные вечера. И гостей не смущало, что туалет общественный и хозяйка просит от туда еще и ведро воды захватить.

Беседовала Оксана Рудченко
Из книги «Главный Универсальный
Магазин». М.: ТД «ГУМ», 2013
(печатаются с сокращениями)